

Сегодня я встречаюсь с преподавателем Института общественных наук МГУ, доктором, профессором исторических наук Урангуяа.

М. Энхбаатар: Добрый день! Где и чем Вы занимались во время перестройки 1984-1990 гг.?

Ж. Урангуа: Я преподаю в Историческом Факультете МГУ, с тех пор как окончила в 1982 г. этот университет. Когда начиналась перестройка в 1984 г., я преподавала в МГУ. В то время я пристально наблюдала за перестройкой в России, за тем к чему приведет этот процесс, который проходит по иному пути, чем эта мировое, всеобщее извращенное развитие, которое нам действительно не нравилось. Поэтому я стремилась в то время найти как можно больше информации о так называемой перестройке Горбачева, перестройке, которая пыталась изменить социалистическое общество в ее рамках, из средств информации того времени, во-первых. Во-вторых: я пыталась довести до своих студентов понятие о данном процессе. Но, тогда это был не тот процесс, которого я думала, что полностью осознала и который изменит эту социалистическую систему полностью. Потому что в этом обществе было и хорошее и плохое. Конечно, я осозновала о необходимости изменения всего плохого. Мы были вынуждены преподавать уроки, агитирую политику партии. В то время кадры общественных наук находились в подчинении ЦК, нас регистрировали даже по специальной анкете, в которую мы записывали даже наши семьи. Нам запрещали пропагандировать чуждую идеологию, которая отрицает руководящую и направляющую функцию партии, всячески указывает на отрицательные стороны развития страны, а велели пропагандировать верность социалистическому сообществу, возвышать пролетарский интернационализм. Поэтому мы вынуждены были держать свое мнение при себе в рамках своих взглядов, с интересом наблюдать лишь события со стороны: чем все кончиться. Но мы действительно желали перемен. Это были времена, когда наша социалистическая система явно не могла превзойти капиталистическое общество в экономическом соревновании в мировом масштабе. С другой стороны, ограниченность одной модели социалистического общества, идеологическое давление, оказываемое в какой-то мере, вызывало недовольство. Поэтому, в то время, когда монголы ездили за границу и получали различного рода информацию, все переменялось. Все мечтали достичь стремительного развития как в мире. Но, чтобы бороться ради этого, у нас не было возможности. Поэтому мы поддерживали силу, которая пыталась провести изменения. Например: когда восхваляли Чойнома, что он пишет самую что есть реальность, в форме поэзии, стиха или другого произведения, Баабар написал свою произведение “Не забывай, иначе пропадешь”, которое невозможно было купить в продаже, но зато передавали из рук в руки. Это было действительно, то чего люди желали и ждали. Конечно же МНРП ничего не делало. Лишь следовала за Россией во всем. И когда в России начали перестройку, Монголия перестала говорить о том, что путь от социализм к коммунизму близок, а решила провести монгольскую, свою перестройку. Преобладала атмосфера копирования. В то время об этом стали много говорить на пленумах ЦК партии и Великого Хурала. В 1988 г. я училась на курсах квалификации в Московском университете. Осенью 1988 г. в Москве люди начали говорить и радостно приветствовали то, что в Улан-Баторе раздавали и наклеивали листовки. Тогда мы ждали того, как воспримет это правительство. В то время, зимой состоялся пленум, после чего люди упали духом и говорили какие же мы бездействующие. Тогдашнее отсутствие перемен в

обществе связывали с деятельностью Батмунха. Говорили, что он нерешительный. Но зато к последующим действиям отношение было другое. Тогда появлялась мысль, что наши сверху ничего не делают. В начале 1989 г. когда члены демократического движения, альянса объединились, пошли к площади Сухэ-Батора и развернули свое движение, хотелось бросить работу и присоединиться к ним. К сожалению, я должна была здесь давать уроки и преподавать в рамках официальной идеологии, на самом же деле находилась под этим давлением. А мои студенты говорили, о том, что происходило и призывали меня пойти вместе туда, вместо того чтобы учиться. Был один студент выпускного курса Мунх-Эрдэнэ-заведующий факультетом, защитил докторскую диссертацию в Японии, сейчас работает в Венском университете по приглашению в качестве профессора. Его однокурсники постоянно уговаривали пойти всем к месту событий. А я говорила, что у меня нет прав, чтобы вы не говорили я должна начать и преподавать урок. Они убегали на площадь, даже вечером. Потому что агитация проходила в течение 24 часов. За это время они успевали понять хоть что-то о перемене, что происходит за внешним миром. Некоторые люди начинали разговор, в результате собиралась толпа. Вот такая форма устной пропаганды оказала большое влияние на народ. Постепенно я сама невольно оказывалась среди этих людей и участвовала в событиях. Тогда мы жили в 3-м микрорайоне. Тогда не было такси. Мы брали с моим мужем друг друга за руки и шли пешком, домой добирались уже ночью, а утром вставали с чувством тревоги за прошедшую ночь. Очень много молодых людей объявляло голодовку. Тревожились за них. В качестве человека, увидевшего все горячие события своими глазами, действительно очень хотелось, чтобы изменилось это общество. Потому что в то время мы были заложниками этого идеологического общества. Всего лишь несколько человек на верхушке распоряжались судьбой страны. Никого не пускали из низов. Правительство было далеко от жизни, говорило всегда, что все хорошо, все будет и не искало иного пути. Это действительно вызывало недовольство. С другой стороны все решали идеологией. Все это не нравилось. Студенты, которые учились за границей, приезжали домой отдыхать в Улан-Баторе, выглядели самыми нарядными и красивыми, они носили шикарную одежду. А мы, которые учились дома, мечтали стать как они и увидеть как они многое. Мы были молодыми. В то время запрещали иметь какое-либо отношение с капиталистической или 3-й страной. Например: когда мой брат переписывался с монгольскими и иностранными студентами, Министерство госбезопасности проводило проверку. Это было позором. Скорый поезд Пекин-Улан-Батор останавливался на 20 минут. Когда он встретился с студентом из ФРГ, информация об этом давно было доведено до сведения МГБ. Тогда существовал валютный магазин. Когда ходили туда с всего лишь несколькими долларами чтобы купить редкий товар, справлялись кто и что купил. Следили за интеллигенцией, которая ходила в монастырь Гандан. Кто ходил на рынок, тоже справлялись насчет того, чем занимался. Вообще все возможности человека были закрыты. Это тоже вызывало недовольствие. Поэтому я очень поддерживала демократическое движение. Но не вставала на сторону ни одной партии. В независимости от партии, каждый беспокоился за свою страну, ее развитие и независимость. За 20 лет демократии слежу за государственной политикой и делаю выводы о правильном или неправильном решении, которое было принято. Хотя я сама не борюсь ради этого, но зато поддерживаю, если появляются силы, которые борются с этим. К сожалению, в этих движениях есть различные люди. Некоторые стремятся получить должность, использовать бедный народ ради своей наживы, но есть и истинные

патриоты, которые готовы на все ради своей родины. Конечно же, эта революция – совершенно новое для Монголии. Наша демократическая революция опередила европейские страны, проходила по своему, без влияния извне. Это прекрасный процесс, но конечно, по сравнению с странами, которые долгие годы шли по традиционному капиталистическому пути, Монголия при ее формировании правового государства для перехода к рыночному обществу, столкнулась с трудностями. Если вернуться к вопросу приватизации, она проходила неправильным путем. Также в горно-добывающей промышленности существует очень много серьезных проблем. Следует изучить как следует то как проходили перемены в европейских странах.

М. Энхбаатар: В МГУ нельзя было преподавать чуждую идеологию, как Вы сказали. В 90-х годах базой для организаций, которые дошли до уровня движений или организаций являлся Технический Университет или МГУ. Главный организатор демократического движения С. Зориг, был преподавателем. Что же повлияло на них? Были ли люди, которые храбро боролись, чтобы преодолеть этот запрет?

Ж. Урангуа: В любом обществе существуют лидеры, которые жертвуют чем угодно. Одни пребывают в ожидании чего-то или связаны чем-то, другие, не сознавая, следуют за чем-то. Среди них также есть решительные, которые выделяются из других. Например С. Зориг, в то время поступил в докторантуру и должен был защитить докторскую диссертацию. А он бросил свою работу, вышел на улицу и боролся за Монголию. Если бы он был жив, наверно сказал бы, что его подтолкнули на этот путь. Мы не знаем, что сказать. Его отец был министром образования, деканом нашего исторического факультета или его отец скончался, а мама была тем-то и тем. Не могу сказать, что именно. Наверно объяснил бы по своему. Насчет самого С. Зорига, я знала его со школьных времен. Он учился в 23-й школе. Знаю и его отца. Его отец учился с моим отцом в Пекине. Также знаю каким он был, когда учился в Союзе. Что именно привело его к этому не знаю. Вообще наши преподаватели создавали Партию национального прогресса, Социал-демократическую партию. Это были ведущие личности-авангард студентов.

М. Энхбаатар: Расскажите относительно МГУ в качестве теоретического лидера

Ж. Урангуа: Пионерами были демократы. В то время когда они объявляли голодовку и устраивали митинг на площади, другие партии еще не были созданы и только наблюдали. Было много случаев когда собирались всего несколько человек и проводили агитацию.

М. Энхбаатар: Говорят, что устная пропаганда сыграла немаловажную роль в деле революции, как монголы относятся к такому виду пропаганды, каковы ее особенности?

Ж. Урангуа: Действительно, такая форма пропаганды среди монголов является традиционной. Ее особенность заключается в том, что рассеянный кочевнический образ жизни монголов на огромной территории, где почти отсутствует централизация населения, главным средством распространения информация была устная форма передачи новостей. Когда из других местностей приходили гости, близко кочующие скотоводы собирались и начинали расспрашивать о последних событиях в стране и так далее. Этот метод распространения информации и по сей крепко живет внутри нас, я бы сказала, что он еще развивается. Но большой недостаток такой формы распространения

информации является то, что она не может быть достоверной, она почти всегда односторонняя и легко подвергается сознательному или бессознательному искажению, так как она зависит от уровня понимания и размышления ее распространителя. В то время когда революция уже созрела и ставился вопрос завершения революции, наше общество было расколото на два лагеря. Коммунисты за социализм, новые демократы за демократические реформы и свободные выборы. Этот раскол также наблюдался в семейных кругах почти у всех монголов. Помню тогдашний “цагаан сар”. Когда праздничные церемонии заканчивались и в тот же момент все начинали расспрашивать друг друга о партийной принадлежности, то есть праздник в каком-то смысле приобретал политический характер. Все жаростно обсуждали политическую ситуацию в стране, горячо спорили. Помнится смешная история, мой родной брат был коммунистом, я симпатизировала демократам и у нас во время выборов возникала борьба за бабушку, за то, за кого она проголосует. Это происходило сплошь и рядом. Муж коммунист, жена демократка и из-за этого в семье происходили большие раздоры.

М. Энхбаатар: Каков был образ жизни в 1984-1990 гг.?

Ж. Урангуа: Почти каждый понимал, что надо изменить политическую систему страны. В Польше профсоюзное движение “Солидарность” становится главной политической силой в стране, в Германии начинают говорить о соединении двух Германий. Экономическая система соцстран рушилась, производство первых необходимых товаров не могут обеспечить спросы общества. То есть, как говорится созревала революционная ситуация. Появлялись новые политические силы в обществе. В этой ситуации люди стали задумываться о смысле жизни, о будущем. Смысл жизни моего поколения заключался в том, чтобы окончить как-нибудь высшее учебное заведение, желательно за границей, если за границей, то о выборе профессии даже не думали, кому как повезет, и устроиться на хорошую работу. Уравниловка в зарплате, социальной жизни в конечном итоге тяготила людей. Если ты владеешь личным автомобилем или небольшим дачным домиком, то ты на глазах у людей автоматически становишься спекулянтom или дельцом. То есть у тебя появились левые доходы, потому что на одной зарплате ты никак не можешь купить все это. Отличие от восточно-европейских стран, где по наследству могли иметь недвижимость или движимое имущество, какие-то ценные вещи, то у монголов почти ничего не было, даже скот был национализирован под совхозы. В этой ситуации ты работаешь, живешь с родителями пока через 10-15-20 лет у тебя не появится отдельная квартира. Сложалась единственная цель жизни – карьерный рост и повышение зарплаты. Хороший работник получал такую же зарплату как лентяй и паразит. Предприятия давали мизерные денежные поощрения, в основном хорошего рабочего поощряли грамотой, медалью ударника, в единичных случаях квартирой. Такой стимул к работе гасила в людях чувство инициаторства, стремление к творчеству. Как говорится “в конце тунеля света не видать” и у людей созревали недоверие к властям, общественному строю.

М. Энхбаатар: 1984 г. Ж.Батмөнх становится генсеком и назначает Д.Соднома Председателем Совета министров. В 1987 г. на III Пленуме ЦК МНРП обсуждался вопрос повышения эффективности экономической системы, выхода страны из застоя, поднятия производственного потенциала, реализации продолжительной программы, принятого 1985 г. Но эти задачи были не решены, вопросы экономической помощи отпали, потому что братским странам, в том числе Советский Союз не до этого было.

Если внимательно прочитать материалы того Пленума, то возникает впечатление, что в то время руководство страны вроде стремилось к какому-то обновлению.

Ж. Урангуа: Решения того времени носили декларационный характер и они не всегда реализовывались. Тогда работал гигантский аппарат- госплан, он держал всю экономику страны, сочинял пятилетние планы, все министерства и ведомства работали под нее. И эти планы должны были увязаться с планами развития Советского Союза. Но за все годы строительства социализма жизненный уровень производителей общественного богатства не изменился, она была самым низким. Из рядов рабочих, животноводов рождались герои соцтруда, депутаты и т.д. В нынешнее время очень хороший работник или изобретатель по мерке социализма уже герой труда, получая высокую зарплату может жить самодостаточно, то при социализме герои получали небольшую льготу и надбавку к зарплате. Люди становились винтом системы, подавлялось инициаторство, формировалось стойкое понятие о том, что работаешь получаешь, не работаешь тоже получаешь. А в Югославии было иначе, создали социалистическую систему самоуправления и предприятия могли распоряжаться сверхплановой продукцией, то есть заниматься реализацией своей продукции. Это повлияло на качество продукции, предприятия стали получать сверхприбыль, что соответственно повышала заработную плату. У нас все шел наперекосяк, планы всегда перевополнялись, а склады заполнялись некачественными, не ходовыми товарами.

М.Энхбаатар: Как сложилась ваша жизнь в бизнесе того времени?

Ж. Урангуа: В то время я была далека от бизнеса. В магазинах карточная система, полки пустовали. Но монголы, веря в будущее, пережили тот трудный период. В этом очень помогло свободный выезд за границу. Если сказать честно, в то время страну кормили челночники. Мой муж тогда работал в строительном проектом институте. И в 1991 г. вместе со своими друзьями создал собственную проектную компанию. В основном работал над проектами больничных зданий. Жизнь стал по немного налаживаться. Наряду с проектными работами муж стал закупать у ГОК Эрдэнэт чистый медь и перепродавал в Сингапуре, а на вырученные деньги покупал уголь из Шарын-Гола и поставлял обратно Эрдэнэту. С кредитом было намного легче, все банки легко отпускали кредит. Уровень взяточничества и коррупции не была такой как сейчас. Кто был умнее и шустрее, тот и зарабатывал хорошие деньги. Когда из страны в массовом порядке стали мигрировать казахи в Казакстан мой муж закупил у казахов в Хэнтийском аймаке весь их скот. Все было очень просто и понятно. А сегодня весь бизнес, любая отрасль, где человек может заработать деньги, находятся под контролем чиновников. Произошел раздел сферы влияния, коррумпированные чиновники открыто крышуют тот или иной бизнес. Появились олигархи, которые через своих депутатов лоббируют под себя законы, оказывают влияние в политическом решении ситуации в свою пользу, происходит слияние интересов крупных партии и олигархов.

М. Энхбаатар: Как разворачивался процесс перестройки в Монголии, по сценарию Кремля или по образцу стран Восточной Европы, какие особенности несет монгольская перестройка.

Ж. Урангуа: Конечно она имела свои особенности. Например: Перестройка в СССР привела к распаду Союза. Национальный вопрос встал острее как никогда. В Москве

происходит стрельба из танков по Белому дому, имеются человеческие жертвы, изоляция М.Горбачева, государственный переворот, выступления ВКЧП. А в Румынии просто расстреляли Чаушеску с женой без суда и следствия. Страшно вспоминать. Сегодня говорят, что в Венгрии и Монголии революция прошла по мирному пути, а в Румынии насильственной. Мы не пошли по образцу или подобию какой-то сверх державы, у нас были свои особенности - власть не пошла против своего народа, против их воли, она просто капитулировала.

М. Энхбаатар: Последний вопрос. Ваш отец 1980 г. был репрессирован по вопросам, связанным с учебником по истории. Хотя его сегодня нет, но как он воспринимал события тогдашних времен.

Ж. Урангуа: Мой отец старый кадровик социализма. Тогда перестройка сбудоражила весь мир, в том числе весь соцлагерь. События развивались стремительно, как будто только этого и ждали. Мой папа внимательно следил за всеми этими процессами и всегда говорил, что нужно выбрать такой путь развития страны, которая исторически соответствовала бы монгольскому народу. Он одобрял все демократические начинания в стране, поддерживал многосторонность внешней политики. Холодная война закончилась, улучшилось отношение между Россией и Китаем, открывались новые возможности для развития страны. Благодаря демократии его реабилитировали при жизни, хотели восстановить в партии, но он отказался. Пригенсеке Ю.Цэдэнбале он много писал и просил его о том, чтобы его дети не пострадали. Но ответа не следовала потому, что члены Политбюро, принявшие решения, сидели на том же месте. А при генсеке Ж.Батмунхе все стало на свои места. Ему компенсировали зарплату за безработные 5 лет, дали квартиру. Злополучный вопрос из-за которого отца репрессировали возник из-за авторства учебника по истории. В то время такого учебника по истории не существовало. Спорщики одной стороны получили образование в Китае, другая в европе. То есть возник спор по вопросам использования идеи марксизма. Тогда отношение с Китаем были затянутыми. Один из спорщиков являлся приближенным человеком члена Политбюро Д.Майдара и он оклеветал отца в уклонстве от марксизма. В 80-е годы отца перестали отпускать за границу и вдруг выходит постановление Политбюро, его выгоняют из партии, конфискуют все учебники и уничтожают. В то время в первую очередь репрессиям подвергалась интеллигенция. В конце 30-х интеллигенцию обвиняли в шпионаже в пользу Японии, в 60-е панмонголизме. Мой отец и наша семья с благодарностью приняла демократическую революцию и теперь мы пожинаем плоды этого общества.

М. Энхбаатар: Материалы напечатанные, например в партийной газете “Унэн”, имеющие какой-то оттенок панмонголизма подвергались ли цензуре, как партия реагировали на это?

Ж. Урангуа: Быстро и жестко. Любая статья с оттенком панмонголизма пересекалась или подвергались цензуре. А автора обвиняли в панмонголизме, национализме и т.д. Теперь все стало на свои места. Мы должны восстановить историческую истину, люди должны знать правду. Я даже думаю открыть курсы по обучению староуйгурской письменности. Смотрите на Внутреннюю Монголию, это же автономия Китая, но там сумели сохранить свою староуйгурскую письменность как государственную.

М. Энхбаатар: Спасибо Вам за интересный рассказ. Желаю Вам всего хорошего.

